

ПАН ВОЛОДЫЁВСКИЙ

РОМАН

ПРОЛОГ

После войны с венграми и состоявшегося вскоре торжественного венчания пана Анджея Кмицица с панной Александрой Биллевич все ждали еще одной свадьбы — не менее доблестный и славный рыцарь, полковник лауданской хоругви пан Ежи Михал Володыёвский собирался жениться на Анне Борзобогатой-Красенской.

Но волею судеб свадьба откладывалась. Панна Борзобогатая, воспитанница княгини Вишневецкой, без ее благословения не решалась на такой шаг. Времена были беспокойные, и пан Михал, оставив девушку в Водоктах, один отправился за благословением к княгине, в Замостье.

Но и тут удача ему изменила — княгини он не застал. Ради эдукации сына она уехала в Вену к императорскому двору.

Рыцарь тотчас же поехал вслед за ней, хотя поездка эта была и не ко времени. Там уладив дело, он возвращался домой, исполненный надежд. Но дома застал беспорядок и смуту: солдаты вступали в союзы, на Украине не было мира, пожар не унимался и на востоке. Чтобы заслонить границу, собирали новое войско.

Еще по пути в Варшаву гонцы вручили пану Михалу письмо с наказом от русского воеводы. Ставя благо отчизны превыше собственных благ, он, отложив свадьбу, уехал на Украину. Несколько лет провел он в дальнем краю в огне, борьбе и трудах ратных и не всегда мог и весточку послать истомившейся невесте.

Потом его отправили на переговоры в Крым, а вскоре наступило время злополучной и тяжелой междоусобной войны с Лю-

бомирским, в которой пан Михал сражался против этого забывшего стыд и совесть вельможи на стороне короля, и наконец под водительством Собеского снова двинул свой полк на Украину. Слава его имени росла, его называли первым солдатом Речи Посполитой, но жизнь его проходила в тоске, во вздохах и ожиданье.

Был 1668 год, когда, получив по распоряжению пана каштеляна отпуск, он в начале лета поехал за невестой в Водокты, чтобы оттуда повезти ее в Краков.

Княгиня Гризельда в ту пору уже вернулась из Вены и, желая быть посаженной матерью невесты, приглашала у себя отпраздновать свадьбу.

Молодые супруги Анджей и Оленька остались в Водоктах и о Михале на время забыли, тем паче что все думы их были о новом госте, появления которого они ожидали. До сей поры Провидение не послало им детей; но теперь должна была наступить долгожданная и столь милая их сердцу перемена.

Год выдался на диво урожайный, хлеба были такие обильные, что сараи и овины не могли уместить зерна, и на полях, куда ни глянь, виднелись скирды чуть не до неба. По всем окрестностям поднялся молодой лесок, да так быстро, как прежде, бывало, не вырастал и за несколько лет. В лесах полно было грибов и всякого зверя, в реках — рыбы. Редкое плодородие земли передавалось всему живому.

Друзья Володыёвского говорили, что это добрый знак, и все как один предсказывали ему скорую свадьбу, но судьба решила иначе.

ГЛАВА I

Однажды в чудный осенний день пан Анджей Кмициц сидел под тенистой крышей беседки и, попивая послеобеденный мед, поглядывал сквозь обвитые хмелем прутья на жену, которая прохаживалась в саду по чисто выметенной дорожке.

Была она женщиной редкой красоты, светловолосая, с кротким, ангельским лицом. Исполненная покоя и благодати, она ступала медленно и осторожно.

Было заметно, что Анджей Кмициц влюблен в жену, как юнец. Он глядел ей вслед преданным взглядом, словно пес на хозяина. При этом он то и дело улыбался и подкручивал усы. И каждый раз на лице его появлялось выражение бесшабашной удали. Видно было, что малый он лихой и в холостяцкие годы покуролесил немало.

Тишину в саду нарушали лишь стук падающих на землю спелых плодов да жужжание пчел. Было начало сентября. Солнечные лучи, не такие жаркие, как прежде, освещали все вокруг мягким золотым светом. В этом золоте среди матовой листвы поблескивали красные яблоки в таком изобилии, что казалось — деревья усыпаны ими сверху донизу. Ветки слив прогибались под плодами, покрытыми сизым налетом. Первые предательские нити паутины на ветках чуть вздрагивали от дуновения ветерка, такого легкого, что в саду не шелохнулся ни один лист.

Может, и райская эта погода наполняла сердце пана Кмицица таким весельем, потому что лицо его светлело все больше и больше. Наконец он отпил еще глоток меда и сказал жене:

- Оленька, поди сюда! Я тебе что-то скажу.
- Лишь бы не то, что мне и слушать неохота.
- Богом клянусь, нет! Дай скажу на ушко.

Сказав это, он обнял жену одной рукой, коснувшись усами ее белого лица, и прошептал:

— Коли сын родится, Михалом назовем.

Она чуть потупилась, зардевшись от смущения, и в свою очередь шепнула:

— Но ведь ты же на Гераклиуша согласился.

— Видишь ли, в честь Володыёвского...

— Неужто не в память деда?

— Моего благодетеля... Гм! И верно... Но второй-то уж будет Михал! Непременно!

Тут Оленька встала и хотела было высвободиться из объятий пана Анджея, но он еще сильнее прижал ее к груди и стал целовать ей глаза, губы, повторяя при этом:

— Ах ты, моя рыбка, любушка моя, радость ненаглядная!

Дальнейшую их беседу прервал дворовый, который бежал издалека прямо к сторожке Кмицица.

— Что скажешь? — спросил пан Кмициц, отпуская жену.

— Пан Харламп приехали и изволят в доме дожидаться, — отвечал слуга.

— А вот и он сам! — воскликнул Кмициц, увидев почтенного мужа, приближавшегося к беседке. — О боже, как у него усы поседели! Здравствуй, старый друг и товарищ, здравствуй, брат!

Сказав это, он выскочил из беседки и с распростертыми объятиями бросился навстречу пану Харлампу.

Но пан Харламп сперва склонился в низком поклоне перед Оленькой, которую в давние времена нередко видывал в Кейданах, при дворе виленского князя воеводы, приложился своими пышными усами к ее ручке и только после этого обнял Кмицица и, припав к его плечу, зарыдал.

— Боже милосердный, что с вами? — воскликнул удивленный хозяин.

— Одному Господь послал счастье, у другого — отнял. А печаль мою только вашей милости я и могу поведать.

Тут Харламп бросил взгляд на супругу пана Анджея, и она, догадавшись, что при ней он не решается заговорить, сказала мужу:

— Я велю прислать еще меду, а пока одних вас оставлю.

Кмициц повел пана Харлампа за собой в беседку и, посадив на скамью, воскликнул:

— Что с тобой? Или помощь какая надобна? Положись же на меня, как на Завишу!

— Ничего мне не надобно, — отвечал старый солдат, — и помощь твоя не нужна, пока вот этой рукой я еще шевельнуть в силах и саблю удержать могу, но старый друг наш, достойнейший муж Речи Посполитой, в глубоком горе, да кто знает, жив ли он...

— О Святой Боже! У Володыёвского беда?

— Беда! — подтвердил Харлам, и из глаз его в три ручья хлынули слезы. — Знай же, ваша милость, что панна Анна Борзобогатая с земной юдолью рассталась.

— Умерла! — воскликнул Кмициц, схватившись за голову.

— Как птичка, пронзенная стрелой...

Наступило молчание, только яблоки с тяжким стуком падали на землю, да пан Харлам вздыхал все громче, с трудом сдерживая плач, а Кмициц, заломив руки и качая головой, повторял:

— Милостивый Боже! Милостивый Боже!..

— Не дивитесь тому, что ослаб я и обмяк, — промолвил наконец пан Харлам, — ведь если у вас при одной только вести о несчастье щемит сердце от dolor¹, что же говорить обо мне, который и ее кончину, и его безмерную скорбь видел.

Тут вошел слуга, неся на подносе бутылку и еще одну чарку, а следом и Оленька, изнывавшая от любопытства. Глянув мужу в лицо и заметив его глубокое смятение, она, не выдержав, сказала:

— С какой твоя милость пожаловали вестью? Не отталкивайте меня. Может, я вас утешу, может, поплачу с вами, а может, советом помогу.

— Тут и твоей голове не придумать совета, — сказал пан Анджей, — боюсь только, кабы от таких вестей здоровью твоему урона не было...

— Я все снесу, горше всего неизвестность.

— Ануся умерла! — сказал пан Кмициц.

Оленька, побледнев, тяжело опустилась на скамейку. Кмициц подумал было, что она сомлела, но печаль взяла верх над внезапностью вести. Оленька заплакала, а оба рыцаря дружно ей вторили.

— Оленька, — сказал наконец Кмициц, желая отвлечь ее и утешить, — или не веришь ты, что душа ее в раю?

¹ Боль (лат.).

— Не над ней, а без нее, осиротев, я плачу, да еще над бедным паном Михалом, потому что хотела бы я верить в спасение собственной своей души, так же как в ее вечное блаженство верю. Редкой добродетели была, благородная, добрая. Ах, Ануся! Ануся, незабвенная моя!

— Я был при ней и всем могу пожелать такого благочестия в час кончины.

Снова наступило молчание, а когда вместе со слезами отхлынула печаль, Кмициц сказал:

— Рассказывай, друже, все как было, в грустных местах медом дух подкрепляя.

— Спасибо, — ответил Харлам, — выпью глоток-другой, коли и ты мне компанию составишь, а то боль сердце клещами сжала, а теперь за глотку хватает, того и гляди, задушит. Вот как это было. Ехал я из Ченстоховы в родные края, думал, возьму в аренду имение, поживу на старости лет в мире и покое. Довольно повоевал я на своем веку, мальчишкой в войско вступил, а сейчас голова седая. Если не усiju на месте, может, и встану под чьи-то знамена, но, право, союзы эти с обидчиками, вконец отчизну разорившие, да междоусобицы всякие, на потеху врагам разжигаемые, вконец отвратили меня от Беллоны... Боже праведный! Слышал я, пеликан своею кровью детей кормит. Но у бедной отчизны и крови-то не осталось. Добрым солдатом был Свидерский... Бог ему судья!..

— Ануся, милая Ануся! — с плачем прервала его пани Александра. — Если бы не ты, что бы со мной и со всеми нами стало! Была ты для меня опорой и защитой. Ануся, любимая моя Ануся!

Услышав это, Харлам снова зарыдал в голос, но Кмициц тотчас же обратился к нему со словами:

— А скажи, друже, где ты Володыёвского встретил?

— Встретились мы в Ченстохове, где оба на время остановились, дары чудотворной Божьей Матери приносили. Он сказывал, что едет с невестой в Краков, к княгине Гризельде Вишневецкой, без ее благословения и согласия Ануся под венец идти не хотела. Девушка в то время была здорова, а Михал весел, как голубок. «Вот, — говорит, — Господь вознаградил меня за верную службу!» Передо мной похвалялся да зубы скалил, Бог ему прости, ведь в свое-то время спор у нас из-за этой девушки вышел и мы было драться хотели. Где-то она теперь, бедняжка?

Оленька, побледнев, тяжело опустилась на скамейку. Кмициц подумал было, что она сомлела, но печаль взяла верх над внезапностью вести.

И тут пан Харламп снова зарыдал, но Кмициц остановил его:
 — Так ты говоришь, она здорова была? Неужто умерла в одночасье?

— Воистину так, в одночасье. Остановилась барышня у пани Замойской, она как раз с мужем, паном Мартином, в Ченстохове гостила. Михал, бывало, день-деньской у них сиживал, сетовал на проволóчки, говорил, что заждался, дескать, эдак им и за год до Кракова не доехать, ведь все их по дороге привечали. Да и не диво! Такому гостю, такому удалцу всякий рад, а уж кто звал его в дом, не вдруг отпустит. Михал и к барышне меня отвел, еще и шутил: «Вздумаешь за ней волочиться — зарублю». Да только ей без него белый свет был не мил. А меня, бывалоча, тоска разбирала, хоть волком вой: вот дожил до седин, а все один как перст. Ах, да полно! Но вот как-то ночью прибегает ко мне Михал — лица на нем нет.

«Беда, брат, помоги, не знаешь ли лекаря какого?» — «Что стряслось?» — «Заболела Ануся, не узнает никого!» — «Давно ли?» — спрашиваю. «Да вот человека прислали от пани Замойской!» А на дворе ночь! Где тут искать лекаря, один монастырь по соседству, а в городе людей меньше, чем развалин. Ну, разыскал я, однако, лекаря; правда, он идти не хотел, так я его обушком пригнал. Да только там не лекарь, а ксендз был нужен. Ну нашли мы наконец достойного отца паулина, и он молитвами вдохнул в бедняжку искру сознания, она и причаститься смогла, и с Михалом простилась нежно. На другой день к полудню ее не стало. Лекарь говорил, видно, опоили ее чем, да не верится, ведь в Ченстохове злые чары силу теряют. Но что с Володыёвским делалось, он такое нес, ну да Господь ему простит, потому что человек в горе себя не помнит... Вот, говорю как на духу, — тут пан Харламп голос понизил, — богохульствовал, себя не помня.

— Богохульствовал?! Неужто? — тихо повторил Кмициц.

— Выбежал от покойницы в сени, из сеней во двор, шатается, как пьяный. А на дворе поднял кулаки к небу и завопил: «Так вот она награда за мои труды, за мои раны, за мою кровь, за верную службу отечеству?!»

«Одна-единственная овечка у меня была, — говорит, — и ее Ты прибрал, о Господи. Воина-рубаку, что за себя постоять готов, свалить, — говорит, — это Тебе по плечу, но невинного голубя задушить и кот, и ястреб, и коршун сумеют... и...»

— Бога ради! — воскликнула пани Александра. — Не повторяй, беду на дом накличешь!

Харламп, перекрестясь, продолжал:

— «Эх, — говорит, — вот тебе, солдатик, за службу награда, получай!.. Господь ведаёт, что творит, но нашим бедным умом этого не понять и нашей справедливостью не измерить». Так он богохульствовал, а потом отяжелел и свалился как сноп, а ксендз над ним экзорцизмы творил, чтобы отогнать от ослабевшей души бесов.

— И скоро ли он опомнился?

— Час целый лежал запертво, потом очухался, вернулся к себе и не велел никого пускать. На похоронах я ему говорю: «Михал, помни о Боге!» Он молчит. Три дня просидел я еще в Ченстохове, жаль было его покидать, но только напрасно я стучался. Он видеть меня не хотел. Долго я размышлял, что делать, то ли ломиться в дверь, то ли ехать... Человека без помощи и утешения оставить? Вижу, однако, ничего путного не будет, и порешил к Скшетускому наведаться. Он да пан Заглоба, первые его друзья, может, и найдут путь к его сердцу, особливо пан Заглоба. Он человек сметливый, у него для всякого слово утешенья сыщется.

— У Скшетуских побывал?

— Был, да только без толку: они с Заглобой уехали под Калиш к ротмистру пану Станиславу. Когда вернутся, не знает никто. Ну, думаю, все едино мне на Жмудь ехать, вот и решил к вам наведаться, мои благодетели, все вам выложить.

— В рвении твоём и благородстве я не сомневался.

— Да только не обо мне, о Володыёвском речь, — отвечал Харламп, — и признаюсь вам, любезные, я за его разум опасуюсь.

— Господь не допустит такого, — сказала пани Александра.

— Если и не допустит, то ведь Михал рясу наденет, как на духу говорю: за всю свою жизнь не видел я жалостней картины! А жаль солдата! Ох, жаль!

— Как это жаль? Одним слугой Господним больше будет! — отозвалась снова пани Александра.

Харламп подкрутил усы, вытер рукой лоб.

— Сударыня-благодетельница... Вот ведь какое дело — может, больше, а может, и нет. Посчитайте, почтеннейшие, сколько он еретиков да язычников на тот свет отправил, этим он Спаси-

теля нашего и Пречистую Деву Богородицу больше, чем иной ксендз молитвами, восславил. Поучительная история! Пусть каждый служит Всевышнему, как умеет. И еще я вам скажу, среди иезуитов всегда кто-нибудь похитроумней его сыщется, а второй такой сабли во всей Речи Посполитой не найти!

— Верно говоришь! — отозвался Кмициц. — Не знаешь ли, брат, где он: в Ченстохове или уехал куда?

— Там я его оставил. Что потом было — не ведаю. Одно знаю. Не дай Бог, рассудок у него помутится или другая какая хворь, родная сестра несчастья, привяжется, останется он один-одиношенек — без родных, без друзей, без всякого утешения.

— Да хранит тебя, друже, в святом нашем городе Пречистая Дева! — воскликнул Анджей Кмициц. — А уж доброты твоей во век не забуду, был ты для меня названным братом!..

Все умолкли, пани Александра сидела, задумавшись, и вдруг, вскинув златоволосую голову, сказала, обратясь к мужу:

— Помнишь ли ты, Ендрек, чем мы ему обязаны?

— Коли забуду — глаза у собаки занять придется, а то своими на людей глядеть совестно будет.

— Ендрек, оставить его в беде — грех великий!

— Как это?

— Езжай к нему.

— Ах, добрая душа, золотое сердечко! — воскликнул Харламп и стал целовать ручки пани Оленьке.

Но Кмицицу не по вкусу пришелся этот совет, он покачал головой:

— Ради него я бы на край света поехал, но видишь сама... если бы ты, не к ночи будь сказано, здорова была, посуди сама. Боже упаси, случай какой приключится. Да я бы там высох с горя. Жена для меня на первом месте, а уж после друзья-товарищи. Жаль Михала, но...

— Я тут под опекой отцов лауданцев. Сейчас здесь спокойно, да и я не из пугливых. Без Божьей воли волос с моей головы не упадет... А Михалу, быть может, помощь твоя нужна...

— Ох, нужна, нужна! — вставил словечко Харламп.

— Слышь, Ендрек. Я здорова. Здесь меня никто не обидит. Знаю, тяжело тебе на отъезд решиться...

— Легче было бы супротив пушек с саблей идти... — отозвался Кмициц.

— Неужто ты думаешь, совесть тебя не заест, коли останешься, ведь днем и ночью вспоминать будешь: «Друга своего я в беде бросил». Да и Господь, разгневавшись, откажет нам в благословении.

— Нож мне в сердце вонзает! В благословении откажет? Вот чего боюсь так боюсь.

— Другого такого товарища у тебя на свете нет, спасти его — долг святой!

— Я Михала всем сердцем люблю! Уговорила! Коли ехать — так мешкать нечего, каждый час на счету! Сейчас велю заложить лошадей. Боже ты мой, неужто ничего другого придумать нельзя? Черт дернул их под Калиш забрать. Да разве я о себе, о тебе пекусь я, душа моя! Мне легче имения и всего добра лишиться, чем один-единственный день с тобой провести розно; кабы мне кто сказал, что я не ради подвигов ратных тебя здесь одну оставлю, заколол бы я его, как цыпленка. Долг, говоришь? Будь по-твоему. Назад глядеть — дело пустое. Но если бы не Михал, не поехал бы, ей-ей, не поехал!

Тут он обратился к Харлампу:

— Пойдем, сударь, со мной в конюшни, седлать пора. Оленька, вели собрать меня в дорогу. Да пусть кто-нибудь из наших лауданских за обмолотом присмотрит... А ты, пан Харлам, хоть недельки две посиди у нас, жену мою не оставляй. Может, здесь в окрестностях именице какое същется. Любич в аренду возьмишь? Годится? Однако на конюшню пора. Через час в путь. Пора так пора!..

ГЛАВА II

Еще задолго до захода солнца рыцарь простился с плачущей женой, которая дала ему на дорогу ладанку с частицей животворящего креста в золотой оправе, и двинулся в путь. Кмициц смолоду был привычен к походам и потому мчал во весь опор, словно гнался за татарами.

Доехав до Вильно, он свернул на Гродно и Белосток, а оттуда отправился в Седльце. Подъезжая к Лукову, он узнал, что Скшетуские всем семейством, с детьми и с паном Заглобой, вернулись из-под Калиша, и решил заглянуть к ним, с кем же еще мог он думами заветными поделиться.

Там встретили его с удивлением и радостью, сменившейся горькими слезами, едва он поведал о Володыёвском.

Безутешнее всех был пан Заглоба, он ушел к пруду и рыдал целый день, да так усердно, что, как сам потом рассказывал, вода вышла из берегов и пришлось открыть запруду. Но, поплавав внаглую, успокоился и вот что потом сказал на общем совете:

— Яну ехать не с руки, он в суд выбран, хлопот у него предостаточно, после всех этих войн духи беспокойные витают. Из того, что нам здесь пан Кмициц рассказал, я заключаю, что аисты в Водоктах на зиму остаются: они сейчас там первые работники и своим делом заниматься должны. Само собой, при таком хозяйстве Кмицицу поездка некстати, сроки ее никому не ведомы. Твой приезд, Анджей, делает тебе честь, но послушай совета: отправляйся домой, Михалу сейчас такой человек нужен, который, даже если оттолкнут и принять не захотят, не затаит обиды. *Patientia*¹ там нужно и мудрость житейская, а одной твоей дружбы здесь еще *non sufficit*². Не прогневайся, сударь, коли скажу, что мы с Яном его первые друзья, в каких только переделках вместе не побывали. Господи Боже ты мой! Сколько раз друг другу на выручку шли!

— Разве что мне из суда уйти? — прервал его Скшетуский.

— Опомнись, Ян, тут интерес государственный! — сурово возразил ему Заглоба.

— Видит Бог, — говорил смущенный Скшетуский, — двоюродного моего брата Станислава я всей душой люблю, но Михал мне дороже.

— А мне Михал и родного брата дороже, тем паче что родного у меня нет и не было никогда. Не время спорить, кто Михалу больше предан! Видишь ли, Ян, если бы это несчастье только сейчас приключилось, я бы первый сказал: отдай свой судейский колпак шуту и поезжай. Но рассуди, сколько воды утекло с той поры, когда пан Харламб из Ченстоховы на Жмудь поехал, а пан Анджей к нам из Жмуди. Теперь к Михалу не токмо ехать, но и остаться с ним надо, не токмо плакать, но и поразмыслить с ним вместе. Не токмо на Спасителя нашего, как на благой пример, ему указывать, но приятной беседою и шуткой ум и сердце его

¹ Терпение (*лат.*).

² Недостаточно (*лат.*).

укрепить. Знаете, кому ехать следует? Мне! Я и поеду! Господь меня не оставит: разыщу Михала в Ченстохове — сюда привезу, а не найду — в Молдавию за ним потащусь и, пока в силах щепотку табака к ноздрям поднести, искать его не перестану.

Услышав эти слова, оба рыцаря принялись поочередно обнимать пана Заглобу, а старик при мысли о постигшем Михала несчастье и о том, сколько у него самого теперь будет хлопот, снова расчувствовался. Уже он и слезы утирать начал, а когда объятья ему наскучили, сказал:

— Вы меня за Михала не благодарите, он мне не чужой.

— Не за Володыёвского тебя благодарим, — отвечал Кмициц, — но лишь бесчувственное, поистине каменное сердце не тронула бы твоя, сударь, готовность в столь преклонные годы — дружбы ради — на край света ехать. Другие в эти годы о теплой лежанке помышляют, а ты, благородный человек, так о долгой дороге говоришь, будто мне или Скшетускому ровесник.

Заглоба не скрывал своих лет, но, по правде говоря, не любил, когда ему о старости, как о верной подруге многочисленных недугов, напоминали, и, хотя глаза у него все еще были красные от слез, он, покосившись на Кмицица, сказал:

— Ах, сударь! Когда мне пошел семьдесят седьмой год, я с тоскою взирал на белый свет, словно два топора над моей головой занесены были, но, когда мне стукнуло восемьдесят, такая бодрость во все члены вступила, что о женитьбе стал подумывать. И еще неизвестно, кто перед кем похвалиться может.

— Я хвалиться не стану, но ты, сударь, достоин самой высокой похвалы.

— Со мной тягаться не след, а то, глядишь, и оконфузить могу, как в свое время я пана гетмана Потоцкого в присутствии его величества короля оконфузил. Пан гетман на мой возраст намеки делал, а я возьми и скажи — давай, мол, через голову кувыряться и поглядим, чья возьмет? И что же оказалось? Пан Ревера перекувырнулся три раза, и его гайдуки поднимать кинулись — сам встать на ноги не мог, а я его со всех сторон обошел: ни мало ни много тридцать пять раз через голову перекувырнулся. Спроси Скшетуского, он своими глазами видел.

Скшетуский уже привык, что с некоторых пор пан Заглоба постоянно ссылался на него как на свидетеля, он и бровью не повел и снова заговорил о Володыёвском.

Заглоба меж тем умолк, погрузившись в раздумья, и лишь после ужина повеселел и обратился к друзьям с такими словами:

— А теперь я скажу вам то, что не всякому уму доступно. Все в руках Божьих, но, сдается мне, Михал скорее залечит эту рану, чем мы думаем.

— Дай-то Бог, но только как ты, сударь, об этом догадался? — спросил Кмициц.

— Гм! Тут и чутье особое надобно, которое от Бога дается, и опытность, которой у вас в ваши годы быть не может, да и Михала понимать надо. У каждого свой нрав и характер. Одного так несчастье прибьет, будто бы, выражаясь фигурально, в реку бросили камень. Вода поверху *tacite*¹ течет, а меж тем на дне камень, он путь ей преградил, воду баламутит и бередит жестоко, и так оно и будет до тех пор, пока она в Стикс не канет! Вот ты, Ян, таков, и таким тяжелее всех на свете, и горе и память всегда с ними. А другой, напротив, *eo modo*² удары судьбы примет, словно его кулаком по шее огрели. У него от горя в глазах темно, но, глядишь, опомнился, а потом, когда зажила рана, и вовсе повеселел. С таким нравом, доложу я вам, куда легче жить в этом полном превратностей мире.

Рыцари, затаив дух, внимали мудрым словам пана Заглобы, а он, радуясь, что его слушают с таким вниманием, продолжал:

— Я Михала насквозь вижу и, Бог свидетель, не хочу на него напраслину возводить, но только сдается мне, что он о свадьбе больше, чем о девушке этой, помышлял. И не диво, что пал духом, хуже беды для него не придумаешь. Ведь представить трудно, как же ему хотелось жениться. Нет в его душе ни жадности, ни гордыни, от всех благ он отказался, состояние потерял, о жалованье не заикнулся, но за все труды, за все заслуги ничего не хотел он от Бога и от Речи Посполитой — кроме жены. И вот только облюбовал он лакомый кусочек и ко рту поднести собирался — а ему по рукам! На! Получай! И как было не прийти в уныние? Разумеется, он и из-за девки горевал, но пуще всего разбирала его досада, что вот, мол, опять в холостяках остался, хотя сам, быть может, поклясться готов, что это не так.

— Дай Бог! — повторил Скшетуский.

¹ Спокойно (*лат.*).

² Таким образом (*лат.*).

— Дайте срок, затянутся, заживут его сердечные раны, и увидим, быть может, вернется к нему прежняя прыть. *Periculum*¹ только в том, чтобы он теперь *sub opere*² отчаяния, сгоряча не натворил бы или не надумал чего, о чем сам потом жалеть будет. Но тут уж чему быть, того не миновать, человек в беде на решения скор. А мой казачок уже дорожные платья из сундуков достает и укладывает, и не к тому слова эти, чтоб не ехать, а чтоб утешить вас, друзья, на прощанье.

— Отец, ты опять Михалу повязкой на раны будешь! — воскликнул Ян Скшетуский.

— Как и для тебя был когда-то. Помнишь? Мне бы только отыскать его поскорее. Боюсь, кабы не укрылся он в каком монастыре или не ускакал в степи, ему там каждый кустик родня. Ты, пан Кмициц, о летах моих намекнул, только вот что я тебе скажу: ни одному гонцу с письмом за мной не угнаться, и, коли вру, вели мне, когда вернусь, нитки из тряпья выдергивать, горох лущить, а то и за прялку усади. Меня дорога не испугает, хлебо-сольство чужое не задержит в пути, пирушки и попойки не введут в соблазн. Вы такого гонца еще и не видавали. Вот и сейчас меня словно кто шилом из-под лавки на подвиг толкает, я уже и рубашку дорожную козлиным жиром от блох смазать велел...

ГЛАВА III

Однако, вопреки собственным заверениям, пан Заглоба ехал без особой спешки. Чем ближе он подъезжал к Варшаве, тем чаще делал остановки в пути. Это было время, когда Ян Казимир, король, политик и славный вождь, погасив угрожавшие Польше со всех сторон пожары и вызволив Речь Посполитую из вод Потопа, отрекся от трона. Все он вынес, все претерпел, подставляя грудь под удары, что отовсюду сыпались на отечество, но, когда, одолев многочисленных врагов, у себя дома реформы провести задумал и вместо поддержки лишь упрямство и неблагодарность встретил, корона непосильной тяжестью для него стала, и он по доброй воле от нее отказался.

¹ Опасность (*лат.*).

² Здесь: в порыве (*лат.*).

Уездные и генеральные сеймики уже завершились, ксендз-примас Пражмовский назначил конвокационный сейм на 5 ноября.

Страсти бушевали, соперничество между партиями разгоралось, но, хотя все споры могло решить лишь само избрание, сейм также вызвал немалое оживление.

Депутаты ехали в Варшаву и в каретах и верхами, с прислугой и челядинцами, ехали и сенаторы, каждый со своим двором. Все дороги были забиты, гостиницы тоже, поиски ночлега становились все обременительнее. Но ради почтенного пана Заглобы всяк рад был потесниться, а нередко слава его становилась и помехой в пути.

Бывало, завернет он на постоянный двор, где яблоку упасть негде, но расположившийся там со своей челядью вельможа непременно выйдет любопытствовать, кого это Бог послал, а увидев почтенного старца с белыми как молоко усами и бородой, любезно скажет:

— Милости просим к нашему скромному столу.

Пан Заглоба, будучи человеком учтивым, услышав такое приглашение, никому отказать не мог, полагая, что везде окажется желанным гостем. И когда хозяин, распахнув перед ним дверь, спрашивал: «С кем имею честь?» — подбоченясь и заранее радуясь эффекту, отвечал двумя словами: «Заглоба *sum*¹!»

И ни разу не случилось, чтобы после этих двух слов его не встретили с распростертыми объятьями и возгласами: «День сей на скрижалях памяти моей увековечу!..» Хозяин тотчас же созывал друзей и дворян: «Глядите, вот он, доблестный муж, *gloria et decus*² славного рыцарства Речи Посполитой!» Люди обступали Заглобу со всех сторон, а молодые целовали полы его дорожного жупана. После этого с возов подавали бочки и бутылки с вином, и порой всеобщему *gaudium*³ не видно было конца.

Обычно полагали, что Заглоба едет депутатом на сейм, а когда он отвечал, что нет, слова его вызывали искреннее удивление.

Он ссылаясь на то, что уступил свой мандат пану Домашевскому, пусть-де молодые общему делу послужат. Одним он от-

¹ Здесь: есмь (лат.).

² Краса и гордость (лат.).

³ Веселье (лат.).

крывал свои карты, от других, когда его одолевали расспросами, отделялся такими словами:

— Я к войнам с малолетства приучен, вот и решил малость Дороша пощекотать.

После этих слов всеобщему восхищению не было границ. Не проигрывал он во мнении окружающих и при известии, что не выбран на сейм депутатом, все знали, что иной арбитр двух депутатов стоит. Да и любой даже самый важный сенатор помнил о том, что, как только подойдет время выборов, каждое слово столь славного рыцаря на вес золота будет.

Знатные господа не скупилась на почести и заключали его в объятия. В Подляском повете три дня вино лилось рекой. Паццы, которых Заглоба в Калужине повстречал, на руках его носили.

Не обходилось и без подарков, которые делались невзначай: в своей повозке Заглоба частенько находил вино, водку, а бывало, и ларцы в драгоценной оправе, пистолеты, сабли.

Челядинцы папа Заглобы тоже не оставались внакладе, и, вопреки всем обещаниям, ехал он так медленно, что на третью неделю едва добрался до Минска.

Но в Минске удача ему изменила. Въехав на площадь, Заглоба увидел, что попал ко двору какого-то вельможи, должно быть весьма знатного: дворяне в парадном платье, пехоты чуть ли не полк, правда безоружной, потому что на сейм с войском ехать не полагалось, но молодцы как на подбор и разодеты пышнее, чем гвардейцы у шведского короля. Кругом золоченые кареты, повозки с гобеленами и коврами — в гостиницах на стены вешать, телеги с кухонной утварью и провизией, прислуга сплошь иностранцы: со всех сторон слышна чужая речь.

Увидев наконец какого-то дворянина в польском платье, пан Заглоба, предвкушая добрую пирушку, велел остановиться и, высунув одну ногу из повозки, сказал:

— А чей же это двор, такой роскошный, что и королевскому, поди, не уступит?

— Чей же еще, — ответил тот, — коли не нашего господина, князя конюшего литовского?

— Чей-чей? — переспросил Заглоба.

— Да вы, никак, оглохли, ваша милость? Князя нашего Богуслава Радзивилла, что на сейм послом едет, а после выборов, Бог даст, и королем нашим станет!

Заглоба быстро сунул ногу обратно.

— Езжай! — крикнул он кучеру. — Мне здесь делать нечего.

«Боже праведный! — воскликнул он, дрожа от негодования. — Пути Твои неисповедимы, и, коли не покараешь Ты этого предателя, значит есть у Тебя какие-то скрытые от нас, непосвященных, помыслы, хотя, ежели рассуждать чисто по-человечески, этот прохвост заслуживает хорошей розги. Но должно быть, нет порядка в Речи Посполитой, коли подлые людишки, стыд и совесть потерявшие, разъезжают как ни в чем не бывало с эдакой свитой! Мало этого. Дела государственные вершат. Нет, видно, пришел нам конец, потому что где, в каком другом государстве такое возможно? Всем хорош был король Joannes Casimirus, но добр чересчур, он и лихоимцев избаловал вконец, к безнаказанности приучив, все им с рук сходило. Впрочем, не он один виноват. Должно быть, нет больше в нашем народе ни совести гражданской, ни понятия о справедливости. Тьфу ты пропасть! Он — и вдруг депутат! Ему граждане целостность и безопасность отечества вверяют, в его подлые руки передают, в те самые руки, которыми он родину терзал и в шведские цепи заковывал! Пропали мы, пропали, не иначе. Его еще и в короли прочат... Ну что ж! Видно, у нас все возможно. Он — депутат! О боже, ведь в законе черным по белому написано, что не может быть депутатом тот, кто в чужих государствах должности занимает, а ведь он в прусском княжестве у своего дядюшки поганого генерал-губернатор. Ну, погоди, я тебя за руку схвачу! А проверка полномочий на что? Пусть я бараном буду, а кучер мой мясником, если сам я не проберусь в зал и как простой арбитр этой материи не затрону. У депутатов заручусь поддержкой. Не знаю, смогу ли я тебя, предатель, вельможу и эдакого туза, одолеть и полномочий лишить, но до избрания не дойдет дело, за это я ручаюсь. Бедняге Михалу подождать придется, потому что я здесь pro publico bono¹ пекусь».

Так рассуждая, пан Заглоба решил заняться проверкой полномочий и для этого перетянуть на свою сторону кое-кого из депутатов. И посему он из Минска до Варшавы ехал не мешкая, чтобы успеть к сейму.

Впрочем, добрался он загодя. Но депутатов и людей праздных было столько, что жилья ни в самой Варшаве, ни на Праге,

¹ Для общего блага (лат.).

ни в других предместьях нельзя было сыскать ни за какие деньги; трудно было и напроситься к кому-нибудь: в любой каморке по три-четыре гостя теснились. Первую ночь пан Заглоба провел в погребке у Фукера вполне безмятежно, но на другой день, протрезвев и очутившись снова в своем возке, порядком раскис.

— Боже мой, Боже! — восклицал он в сердцах, проезжая по Краковскому предместью и оглядываясь по сторонам. — Вот костел бернардинов, вот руины дворца Казановских. О, неблагодарный город! Я сражался, живота не жалея, лишь бы тебя из рук неприятеля вырвать, а теперь ты, седины мои презрев, угла для меня жалеешь.

Впрочем, город вовсе не жалел для почтенного старца угла, но, увы, такового не было.

И все же недаром люди говорили, что пан Заглоба родился под счастливой звездой: не успел он доехать до дворца Конецпольских, как кто-то со стороны окликнул кучера:

— Стой!

Челядинец попридержал коней, и к возку с веселой улыбкой подбежал незнакомый шляхтич.

— Пан Заглоба! Неужто не узнаете меня, ваша милость?! — воскликнул он.

Перед Заглобой стоял мужчина лет эдак около тридцати, в рысей шапке с пером, что сразу говорило о принадлежности его к войску, в алом жупане и темно-красном кунтуше с тканым золотом поясом. Лицо незнакомца невольно обращало на себя внимание. Он был бледен, степные ветры лишь самую малость обожгли загаром его щеки, большие голубые глаза глядели задумчиво и грустно, правильность черт казалась даже несколько нарочитой; он носил польское платье, но волосы у него были длинные, а бородка подстрижена на иностранный манер. Остановившись возле возка, незнакомец уже раскрыл руки для объятий, а пан Заглоба, по-прежнему недоумевая, перегнулся и обнял его за шею.

Они все лобызались, но Заглоба время от времени норовил отстраниться, чтобы получше разглядеть незнакомца, и наконец, не выдержав, сказал:

— Прости, сударь, никак не вспомню, с кем имею честь...

— Гасслинг-Кетлинг!

СОДЕРЖАНИЕ

ПАН ВОЛОДЫЁВСКИЙ. <i>Роман</i> <i>Перевод Г. Языковой, К. Старосельской, С. Тонконоговой</i>	5
НА ПОЛЕ СЛАВЫ. <i>Историческая повесть из времен короля Яна Собеского</i> <i>Перевод Э. Пуцинской</i>	525
Примечания. <i>Б. Стахеев</i>	786